

Редъярд Киплинг

Дочь полка

Редъярд Киплинг

Три солдата (сборник)

*Часть сборника
Три солдата (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Дочь полка

Серия «Три солдата»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648373

Аннотация

«— Джентльменам, не умеющим танцевать черкесскую круговую, нечего и впутываться и сбивать с толку других.

Это было сказано мисс Мак-Кенна и подтверждено взглядом моего визави, сержантом. Мисс Мак-Кенна положительно пугала меня. Она была шести футов ростом, вся в бурых веснушках и рыжеволосая, а одета она была самым балаганным образом. На ней были белые атласные башмачки, розовое муслиновое платье, шерстяной кушак яблочно-зеленого цвета, черные шелковые перчатки, а в волосах – желтые розы. Совокупность всего этого заставила меня бежать от мисс Мак-Кенна и отыскать моего приятеля Теренса Мельванея, сидевшего в буфете...»

Редьярд Киплинг

Дочь полка

* * *

– Джентльменам, не умеющим танцевать черкесскую круговую, нечего и впутываться и сбивать с толку других.

Это было сказано мисс Мак-Кенна и подтверждено взглядом моего визави, сержантом. Мисс Мак-Кенна положительно пугала меня. Она была шести футов ростом, вся в бурых веснушках и рыжеволосая, а одета она была самым балаганным образом. На ней были белые атласные башмачки, розовое муслиновое платье, шерстяной кушак яблочно-зеленого цвета, черные шелковые перчатки, а в волосах – желтые розы. Совокупность всего этого заставила меня бежать от мисс Мак-Кенна и отыскать моего приятеля Теренса Мельванея, сидевшего в буфете.

– Танцевали с крошкой Дженси Мак-Кенна, невестой капрала Слена? Расскажите об этом своим лордам и леди. Тут есть чем гордиться.

Так говорил мой приятель Теренс Мельваней. Но я не чувствовал ни малейшей гордости. Напротив, я был унижен. Я видел по глазам Теренса, что ему хочется рассказать мне какую-нибудь интересную историю, но вместе с тем знал, что

если он еще дольше пробудет в баре, то вскоре окажется «перегруженным». Очень неудобно иметь дело с «перегруженным» приятелем вне гауптвахты, в особенности когда имеешь удовольствие находиться в обществе своего командира.

– Вот что, Мельваней, – сказал я, – пойдём-ка лучше на плац-парад. Там так приятно, свежо, и ты расскажешь мне о Мак-Кенна. Кто она такая? Что собой представляет? Почему ее зовут Дженси?

– Эге, стало быть, вы никогда и не слыхали о дочери Шарика Пемлоя, а еще хвалитесь, что много знаете, – ворчал Теренс. – Дайте мне сначала закурить трубку, а потом я вам все расскажу.

Через минуту мы уже были под открытым небом, усыпанным звездами. Мельваней сел на один из пушечных лафетов, я на другой, напротив. По своему всегдашнему обыкновению он зажал трубку зубами, а толстые руки, сложив вместе ладони, засунул между колен, шапку сдвинул на затылок и начал журчать своим спокойным, медленным голосом:

– Когда мистрис Мельваней была еще мисс Шад, то я был помоложе, чем вы теперь, и в то время в армии было по-другому. Нынче молодые парни что-то разохотились жениться. Поэтому у нас в армии мало стало хороших, честных, работающих, выносливых, терпеливых и добросердечных женщин. В наше время солдат жил и умирал в своем полку, поэтому он рано и женился, и был настоящим солдатом, и жена его была настоящей солдаткой. Да, все это было так. С тех пор

многое изменилось, и у нас, в армии, все пошло по-другому. И не узнать ее теперь старому солдату.

И вот что я хотел сказать. Когда я был капралом, моим сержантом был Мак-Кенна, человек тоже женатый. Его жена, Бриджет, была из одной со мной деревни. Когда она попала к нам в роту, мы прозвали ее Шариком за толщину. Со всех сторон была она круглая, как пушечное ядро, так и прозвали ее Шариком. Хотели прозвать ядром, да те бывают твердые. Бриджет же была мягкая такая, ну и настоящие шарики бывают мягкие. Вроде мячиков из ваты и шерстяной материи... Упокой, Господи, ее душу, хорошая была женщина, действительно мягкая. Только насчет детишек была бедовая: что ни год, то новый ребенок. Когда явился на свет пятый или шестой, муж ее заявил, что с него начнет записывать своих будущих детей в семейный список уже не по именам, а по номерам. Но тут Шарик взмолилась Христом-Богом, чтобы муж назвал деточек если и не по христианскому календарю, то хоть по названиям стоянок роты. Так и стал делать сержант. Всех остальных своих ребятишек назвал по той местности, в которой каждый из них рождался. Так и вышло, что та самая девица Мак-Кенна, с которой вам посчастливилось потанцевать, была названа Дженси. В этом местечке мы находились, когда она родилась, став, кажется, десятым или одиннадцатым ребеночком по счету.

И не у одного Шарика родилось так много детей. И у других солдаток их было порядочно, хотя и не по десяткам.

Только моя мистрис Мельваней подарила мне всего одного сыночка, да и тот рано умер. Вообще много у нас в роте, да и во всем полку, во всей нашей армии, много рождалось, много и умирало детей. Было одно такое лето, когда они мерли прямо как мухи. Стояла страшная жара, и вдруг какому-то полоумному распорядителю пришло в голову отправить весь наш полк в глубь страны. Может быть, ему хотелось посмотреть, как будут кататься солдаты по новой железной дороге, только что тогда открытой. Ну и посмотрели, налюбовались досыта, думаю. Прекраснейшая картина вышла, могу вас заверить.

Ребятишки начали умирать уже на старом месте. Сержантиха похоронила пятого ребенка, когда пришел приказ подняться дальше в адскую жару. Чтоб тому, кто сочинил этот дурацкий приказ, на том свете было жарко! Сколько горя всем наделал. Дали нам всего два небольших поезда и набили нами вагоны вплотную. Наша рота попала с тремя другими во второй поезд. С нами было двенадцать женщин и тринадцать детей. Яблоку негде было упасть между нами. И это в такую-то жару, да при шестистах милях езды. В первую же ночь мы чуть было все не задохнулись. Сняли с себя все лишнее с разрешения офицеров, и то было тяжело. Пили все, что только могли достать на станциях, а в промежутках ели разную полужеленую дрянь, яблоки да прочее. Ну и к утру началась холера.

Молите Бога и всех святых католической церкви, чтобы

вам никогда не увидеть холеры в воинском поезде. Это все равно, что увидеть суд Божий. Командир остановил поезд и телеграфировал главному начальству о том, что случилось, и что он просит помощи. И стали мы ждать помощи с расстояния в триста миль. Велели нам устроить лагерь близ станции, в чистом поле. На самой станции никого не было, кроме телеграфиста, которого привязали к стулу, остальные же обитатели все удрали, когда услышали, что у нас в поезде холера. Очень просто: жизнь никому не надоела.

Выскочили мы из вагонов и, словно угорелые, шатались и падали друг на друга. Тут и больные, и здоровые, и женщины, и дети – все в одну кучу. Был с нами один полковой врач, но что же ему одному было делать? Не разорваться же на части. Одних умерших мы привезли на станцию семь человек, да двадцать семь больных. В лагере женщины сбились в одну кучу и подняли отчаянный вой. Поглядел на них командир, да и говорит:

– Баб вон из лагеря. Пусть устраиваются в перелеске напротив. Не место им тут с нами.

Шарик сидела на своей постели, положенной прямо на земле, пока не были еще готовы палатки, и успокаивала плачущую Дженси. Девочке шел пятый годочек, и она из младших сестер и братьев одна осталась у матери. Когда Шарик услышала, что офицеры гонят баб вон из лагеря, она встала и во весь свой голос крикнула:

– Ну, это дудки, мы отсюда ни за что не пойдем! Дудки!

И крошка Дженси тоже кричит:

– Дудки! Ни за что не пойдём отсюда!

Обернулась Шарик к другим бабам и говорит:

– Поняли, что тут с нами хотят сделать? Мужья наши и парни умирают, а нас посылают спать. Неужто вы на это согласны? Люди мрут, мучаются, пить хотят, так неужели мы их оставим без всякой помощи? Разве так можно? Берите ведра, миски, кастрюли – все, что есть, черпайте воду из колодца и поите больных. Это будет дело.

Взяла сама ведро, из которого лошадей поят, а девочке, которая тянулась за ней, дала шлем с головы умершего, и стали они обе, мать и малютка-дочь, подавать пример прочим бабам. Встретила Шарик своего мужа, да и говорит ему:

– Мак-Кенна, дорогой супруг мой, – говорит, – скажи нашим, чтобы не робели. Скажи, Шарик к ним катит с водичкой живой. Напоит их и смертушку от них отгонит.

А людям, действительно, нужно было прежде всего воды, и только воды. Многим другого больше и не понадобилось. И так все обрадовались этой помощи, что и сказать невозможно. Словно ангел какой к ним с неба спустился, чтобы утешить их в последний час. Страх, что с нами тогда делалось. Многие ничего и не поняли, а просто валялись с ног и спрашивали друг друга: «Что это такое с нами? За что нас Господь покарал?» А тут и Шарик с девочкой прикатились. Что делает и говорит мать, то и девочка. Мать поднимает голову бедным умирающим и просто задохнувшимся от жары,

пойт их свежей водой и говорит про то, что теперь, Бог даст, им будет лучше, а завтра и совсем поправятся. Раскраснелась вся, потом обливается, запыхалась, а говорит ласковые слова, каких наши ребята и сроду, может быть, не слышали. И девочка тоже старается. Хоть маленькая еще была по годам, а по росту и по силам – куда старше; могла тоже голову поднять умирающему и подавать ему пить, а своим тоненьким голоском так хорошо повторяла материнские слова насчет того, что, мол, теперь полегчает, а назавтра «дядя» и совсем поправится и опять молодцом будет. И, вправду, больше тридцати человек утром другого дня уже настолько поправились, что и не чувствовали больше ничего. Почти столько же вновь заболело. А бабы всю ночь за ними ходили и устали не знали. И Дженси лишь ненадолго прикорнула где попало. Оттащила ее мать под дерево и оставила там одну спать, и сама опять за водой к колодцу, а оттуда к больным. Проснулась малютка и опять за дело, и так далее, пока...

Тут Теренс запнулся, вынул изо рта погасшую трубку, вновь закурил и, смахивая с ресниц досадливую для храброго воина слезу, продолжал как бы охрипшим голосом:

– Да, около полудня, когда солнце пекло, как раскаленная докрасна печь, а люди могли бы умереть и без холеры, от одной жары, Шарик возилась с одним умирающим и шептала ему добрые слова о Боге, который никого не оставляет в беде, о христианском терпении и о завтрашнем дне, и вдруг она сама пошатнулась и глухо так говорит:

– Ой, ребятушки, никак и ко мне смертушка пришла... Зовите моего милого супруга... скорее... Проститься хочу.

Успели призвать сержанта Мак-Кенна. Подхватил он на руки жену, прижалась она головой к его груди, что-то прошептала и – умерла. Но не от холеры она умерла, как после сказал нам врач. Умерла от того, что у нее на голове был черный чепчик, а в большую жару, когда печет солнце, голову нельзя покрывать черным. Она об этом позабыла, думая только о других, и умерла от солнечного удара. Настоящая была солдатка доброго старого времени, упокой Господи ее добрую душу!

И что же вы думаете? В следующую ночь, когда наших ушло в землю уже около сотни и сама наша милая страдалница, Шарик, была там же, поднялся ветер, да такой сильный и резкий, что все наши палатки снесло. Вместе с палатками унесло и холеру. Целых десять дней продержали нас еще в карантине, но ни одного больного холерой больше не было. Болтали у нас, будто с этим ветром явилась Бродячая Жидовка, которая и унесла с собой холеру. Но мало ли что болтают глупые люди. Главное то, что как прошел ветер, так не стало и холеры.

И вот с тех пор Дженси Мак-Кенна стала тем, чем есть. Сержант Мак-Кенна не намного пережил свою жену, тосковал о ней. И мы все о ней жалели и всегда поминали добрым словом. Ну и вот, как умер сержант и Дженси стала круглой сиротой, упросили мы полкового командира, чтобы сиротка

была воспитана полком и названа «Дочерью полка». Так по-нашему и вышло. А так как она родилась в нашей роте, то к ней она и приписана. Такая же она хорошая и дельная, как ее покойная мать, и такая же зубастая. Правды никогда не утаит. Всем скажет в глаза, хотя бы и самому главнокомандующему. Ну и ничего. Выслушают ее, посмеются и – дело с концом. Всех за правду уважают. Неловко только, что она все еще в девицах. Я и надумал ей женишка сыскать.

– Разве Слен вами выбран для нее? – спросил я.

– Мной, – с самодовольной улыбкой пробурчал Мельваней, поправляя вывалившуюся было у него изо рта трубку. – Вижу, парень увивается около нашей полковой дочки, но сказать слово не решается. Были и еще другие такие же увиватели, да Слен лучше всех. Я накануне его производства в капралы и говорю ему:

– Вот что я тебе скажу, друг Слен, пока ты еще под моей командой. Если ты сегодня же не посватаешься как следует за Дженси Мак-Кенна, то ночью я, как Бог свят, всю шкуру с тебя спущу. Так ты и знай. Завтра я должен буду говорить с тобой, как с равным, а нынче я еще командир твой, потому и предупреждаю, что нечего тебе больше зевать.

Помогло. Слен даже обрадовался такому поощрению. Благодарил. Говорит, не смел и все тому подобное. Дочь ведь полка. Может, за генерала ее прочат. Нет, думаю, как ни хороша Дженси Мак-Кенна, но в генеральши она не годится, а капралыпей будет славной. На днях и свадьба. Слена ско-

ро переведут в комиссариат, где можно зашибить хорошую деньгу. Одна ведь только Дженси и осталась в живых из всех детей Шарика, ну и надо было хорошенько о ней позаботиться. Пусть радуются отец и мать на том свете, глядя на счастье своей Дженси. А теперь пойдите к ней, к Дженси то есть, да попросите ее на другой танец, который вам знаком. Всему нашему полку доставите большое удовольствие, да и вам самим честь.

Я послушался своего приятеля Теренса Мельванея. Я был проникнут полным уважением к мисс Дженси Мак-Кенна и на этот раз угодил ей в танцах, потому что не впутывался больше в те, которые не знал.

В свое время я был и на свадьбе Дженси Мак-Кенна с капралом Сленом. Может быть, расскажу вам об этом в другой раз.